

12+

КОД ВЕЧНОСТИ

MARC VITALIS

Marc Vitalis

Код вечности

<https://litres.ru/74504903>

ISBN 9785007126229

Аннотация

Он думал, что взломал матрицу, но матрица взломала его. Счета обнулены, камеры ослепли — остается только бежать. Герой уверен: за ним охотятся «Архитекторы» цифрового мира. В его сумке — артефакты, а в голове — древний Код. Уйдя в «режим призрака», он начинает цифровую войну. Но грань между откровением и безумием тонка, а правда страшнее заговора. «Код вечности» — психологический техно-триллер о цене иллюзии контроля.

Содержание

КОД ВЕЧНОСТИ	5
ПРОЛОГ. СКРЫТЫЙ СЛОЙ	6
ГЛАВА I. ПЕРВЫЙ АРТЕФАКТ	9
ГЛАВА II. Дунайские рубежи	15
ГЛАВА III. ЦИФРОВАЯ ОСАДА	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Код вечности

Marc Vitalis

© Marc Vitalis, 2026

ISBN 978-5-0071-2622-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОД ВЕЧНОСТИ

Введение. Свиток Времени

Время не линейно. Для тех, кто застрял в суете современности, оно кажется прямой линией, безжалостно бегущей от прошлого к будущему. Но если отсечь информационный шум и погрузиться в абсолютную тишину, становится ясно: время — это свернутый пергамент. Эпохи не исчезают, они лежат друг на друге, плотно прижатые страницами вечности. Стекланные башни мегаполисов нынешнего века стоят на тех же невидимых фундаментах, что и зиккураты Вавилона. Алгоритмы, пытающиеся управлять вниманием толпы, — лишь бледная тень тех сил, что когда-то двигали легионы и разрушали империи. Внутри каждого человека скрыт древний резонанс. Память о тех днях, когда слова имели вес, а поступки меняли ход истории. Большинство забыло этот звук, оглохнув от неоновой грохот своего времени. Но память нельзя стереть полностью. Иногда достаточно одной чистой ноты, чтобы свиток времени развернулся, и прошлое шагнуло в настоящее.

ПРОЛОГ. СКРЫТЫЙ СЛОЙ

Три широких монитора заливают полумрак комнаты холодным, голубоватым светом. На часах половина третьего. В глубокой, звенящей ночи монотонно и ровно гудят серверные кулеры, разгоняя горячий воздух, пахнувший озоном и нагретым пластиком.

На центральном экране в программе DaVinci Resolve развернута многослойная архитектура звука. Идет сведение сложного, полифонического проекта — записи древнего хора для релиза Aeterna Chorus. Сотни звуковых дорожек выстраиваются в безупречные ряды, напоминая сложнейшую микросхему.

Курсор выделяет нижний регистр басов. Наложенный параметрический эквалайзер срезает конфликтующие частоты, убирая «коробочный» гул в районе трехсот герц. И вдруг обнаруживается аномалия.

На спектрограмме, глубоко под основным вокалом, пульсирует странный, рваный ритм. Это не дефект записи. Это голос.

Остальные дорожки отключены. Усиление выкручено, наброшен компрессор, методично очищающий звук от цифрового мусора. Из студийных мониторов начинает литься тихий, монотонный речитатив на древнеарамейском. Тот, кто это записал, намеренно спрятал частоту так глубоко, что че-

ловеческое ухо без студийной аппаратуры никогда бы её не уловило.

Пальцы леденеют. Фрагмент вырезан, сохранен в отдельный аудиофайл и загружен в мощную лингвистическую нейросеть. Задана команда на транскрипцию и смысловой перевод. Машина перемалывает мертвый язык, и спустя минуту на экране выстраиваются строчки.

От прочитанного по спине пробегает ледяной озноб. Это инструкция.

«Логос расколот. Исходный Код развеян по ветру времен, сброшен туда, где горели империи и рождалась ложь. Тот, кто найдет эту частоту — не случайный слушатель, а собиратель. Ищи хранителей в узлах времени. Собери физические свидетельства Истины, пока этот мир окончательно не оглох от собственного шума».

Взгляд цепляется за соседний монитор, где пульсируют графики рынков — там прямо сейчас из воздуха надуваются миллионные пузыри. «Оглох от собственного шума».

Дрожащие руки возвращаются к пульту. Если этот текст — инструкция, значит, сам звук хора — это ключ. Частоты остальных инструментов начинают подстраиваться так, чтобы они вошли в идеальный, математически выверенный резонанс с этим скрытым голосом.

Когда звуковая волна наконец складывается в идеальный резонанс, происходит физический сдвиг. Густая, низкая вибрация — Керигма — заполняет студию. Сама грань меж-

ду временами истончается.

Удар по клавиатуре резко останавливает воспроизведение. Тишина обрушивается на уши с такой силой, что тело едва не заваливается вместе с креслом. Сердце бьется где-то в горле, отдаваясь гулом в висках.

Что это было? Галлюцинация? Нервный срыв от недосыпа и сотен часов работы со звуком? Легкие судорожно хватают воздух в попытке убедить разум, что всё это просто показалось. Но тело всё еще помнит эту физическую плотность, этот сдвиг реальности, который невозможно имитировать.

Непослушные пальцы нащупывают на столе металлическую флешку на прочном кожаном шнурке и вставляют в разъем. Движения механические, всё делается на чистом инстинкте — только бы не потерять, только бы зафиксировать эту пугающую аномалию, пока она не исчезла из кэша программы. Сведенный master-file с «Керигмой» переброшен на накопитель. Папка запечатана.

Металл выдернутой флешки кажется обжигающе горячим в сжатом кулаке. Кожаный шнурок ложится на шею, и накопитель оттягивает грудь, как свинцовый груз.

На экране всё еще светится перевод древнего текста. На груди висит Ключ. Машина выдала какую-то безумную информацию про расколотый Логос и узлы времени. Но в полумраке студии пульсирует только липкий, парализующий страх. Понимание того, что со всем этим делать, отсутствует полностью.

ГЛАВА I. ПЕРВЫЙ АРТЕФАКТ

Глаза закрываются сами собой. В ладони намертво зажат холодный металл накопителя. Нажатие пробела запускает воспроизведение.

Вибрация арамейского хора в наушниках мгновенно спрессовывает пространство. Синева мониторов меркнет. На долю секунды со всех сторон обрушивается дикий хаос крупнейшего мегаполиса Римской Азии. В нос бьет тяжелая вонь гниющей рыбы и сладковатого жертвенного дыма, по ушам бьет гортанный крик толпы, скрип тележных колес и гул портового Эфеса. От этого невыносимого сенсорного удара тело инстинктивно подается назад...

Но Керигма не дает бродить по улицам. Она — портал прямого действия. Пространство схлопывается. Гул мгновенно обрывается, и тело буквально вбрасывает в абсолютную, звенящую тишину выбеленной известью кельи. Лопатки вжимаются в холодную каменную стену. Сделать вдох страшно.

У небольшого окна, в лучах закатного света, сидит старец. Его деформированные, узловатые от каторжного труда на Патмосе пальцы сжимают тростниковое перо. Чернила из сажи и дубильных орешков ложатся на папирус тяжелыми греческими буквами.

Внезапно скрип калама прекращается. Иоанн Богослов не

оборачивается, но его голос, тихий и надтреснутый, заполняет тесное пространство: — Я ждал, что этот день наступит. В моих видениях на острове я видел времена, когда люди научатся говорить со всем миром, но им нечего будет сказать. Время, когда Истина распадется на тысячи лживых голосов.

Он медленно поворачивается. В его выцветших глазах нет ни страха, ни удивления перед странной одеждой пришельца. Он смотрит сквозь акустический маскировочный слой Керигмы насквозь. — Я знаю, зачем ты здесь, странник, — произносит апостол. — Ты пришел за фундаментом.

Старец берет со стола небольшой, плотно свернутый кусок пергамента. — Я приготовил это для тебя. Здесь записано то, с чего всё начинается. Исходный Код. Возьми. Но помни: это лишь первая часть. Тебе придется пройти сквозь гордыню царей и алчность толпы, чтобы собрать остальное.

Дрожащая рука тянется вперед и забирает свиток. Пергамент сухой и шершавый на ощупь.

Видение мягко отступает.

Оглушительная, мертвая тишина студии бьет по ушам. Наушники сорваны, дыхание сбито. В сорок девять лет, имея за спиной десятилетия трезвого расчета, оказаться беззащитным перед собственной психикой невыносимо. В голове пульсирует одна ледяная мысль: «Сумасшествие».

Но взгляд падает на руки. Побелевшие от напряжения пальцы судорожно сжимают кусок древнего, исписанного греческими буквами пергамента. От него пахнет сажей и

тысячелетней пылью. Это не галлюцинация. Материальный объект из первого века лежит прямо на цифровом пульте, рядом с современной клавиатурой.

Тишину нарушают мягкие шаги. В студию неслышно входит жена, её руки ложатся на плечи, возвращая в реальность. Свиток инстинктивно накрывается ладонью — прячется от её взгляда. Еще не время.

— Всё хорошо? — её голос звучит тихо, у самого уха. — Ты бледный. — Да... Просто устал от сведения, — ладонь накрывает её руку.

Она кивает и направляется к выходу. Но не успевает закрыться дверь, как на правом мониторе вспыхивает красное системное уведомление.

Взгляд резко приковывается к экрану. Аккаунт на DistroKid, через который распределяется музыка на стриминговые платформы, только что принудительно деактивирован. Следом на телефон сыплются пуш-уведомления: сервер базы данных отклоняет ключи безопасности. Кто-то методично, с ледяной машинной точностью, блокирует цифровые доступы.

Система почувствовала аномалию. Истина принесена в мир, который питается фальшью, и алгоритмы начали реагировать, пытаясь изолировать угрозу.

Ноги слабеют, заставляя тяжело опуститься в кресло. На лбу выступает холодный пот. На левой ладони лежит сухой, шершавый кусок древнего пергамента из Эфеса, а на экра-

нах вокруг мигают красные предупреждения об ошибках доступа. Руки бьет мелкая дрожь. Отчетливая, парализующая мысль стучит в висках: вскрыто то, чего нельзя было касаться. Впервые за все эти годы студийные мониторы вызывают настоящий, первобытный ужас. Шагнуть сейчас к звуковому пульта кажется невыносимым.

Дыхание постепенно выравнивается, но вернуть пульс к привычному ритму невозможно. В полумраке, под тревожное мигание заблокированных мониторов, слова эфесского старца звучат в голове снова и снова.

«Ты пришел за фундаментом».

В тишине парализованной студии разворачиваются мысли о тех, кто этот фундамент закладывал. Двенадцать. Те, кто пошел за Учителем. Их судьбы сплетаются в памяти: Петр, ставший камнем, Андрей, принявший крест, Иоанн, выживший после котла с кипящим маслом и сохранивший в себе огонь. Люди, ставшие живым воплощением веры и прошедшие через террор империи. Их распинали, забивали камнями, обезглавливали, потому что они несли Истину, угрожающую фальшивому мировому порядку. И сейчас, глядя на красные системные уведомления об алгоритмической блокировке, становится кристально ясно: империя лжи никуда не исчезла. Она просто сменила мечи на цифровые коды.

За панорамным окном небо начинает едва заметно сереть. Предраассветная мгла безымянного мегаполиса. Адреналин резко отступает, оставляя после себя свинцовую тяжесть в

мышцах и тупую боль в висках. Сил бороться с цифровой осадой прямо сейчас нет.

Древний пергамент бережно опускается в ящик стола. Ключ на кожаном шнурке остается на шее.

Шаги звучат глухо. За дверью студии начинается обычный, нормальный мир. В спальне царит спасительная тишина. Жена спит, уютно укрывшись одеялом. Осторожно, стараясь не разбудить, опуститься на край кровати. Лечь рядом. Прижаться к её теплому плечу, вдохнуть родной, успокаивающий запах волос. В этом простом, земном тепле кроется единственный якорь, способный удержать рассудок от окончательного распада. Во сне она едва слышно вздыхает и инстинктивно накрывает ладонь своей рукой. Реальность здесь. Она осязаема и полна любви. Провал в тяжелый сон без сновидений происходит мгновенно.

Утро врывается в дом ярким солнечным светом. На кухне уютно шипит кофемашина, наполняя пространство бодрящим, густым ароматом свежемолотых зерен. Горячая чашка обжигает пальцы, возвращая долгожданную ясность ума.

Рациональная часть мозга немедленно берется за работу, выстраивая логичные защитные барьеры. Сон. Просто невероятно реалистичный, осознанный сон. Нервный срыв от переутомления. Сотни часов кропотливой работы со звуком сыграли с психикой злую шутку, а сбой на серверах дистрибьютора — просто техническое совпадение.

Усмешка сама трогает губы. Глоток обжигающего кофе

окончательно прогоняет ночные тени. Конечно, всё это просто приснилось. Невозможно усилием воли прогнуть время и оказаться в первом веке.

Пальцы привычным жестом тянутся к груди. И замирают.

Под тканью футболки ощущается твердый, прохладный металл флешки на кожаном шнурке. А там, за стеной, в запертом ящике студийного стола, лежит сухой, пахнущий тысячелетней сажей кусок пергамента.

ГЛАВА II. Дунайские рубежи

Кофе встает поперек горла. Это был не сон. И система, заблокировавшая доступы, тоже не была совпадением.

Но погрузиться в панику или немедленно бежать к пультам не дает ворвавшийся на кухню вихрь реальности. — Папа!

Дверь распахивается, и в кухню влетает двухлетний Матвей, путаясь в штанинах пижамы. Следом за ним, на ходу завязывая пояс халата, появляется Татьяна. Разница в двадцать лет между нами иногда кажется иллюзией, но по утрам её неисчерпаемая, легкая энергия всегда бьет ключом, сметая любые ночные тени.

— Он отказывается надевать синие носки, — со вздохом сообщает она, целуя в щеку. От неё пахнет теплом, сном и чем-то неуловимо цветочным. — Марк, помоги, мы опаздываем.

Мистика первого века, расколотый Логос и цифровые угрозы мгновенно отступают перед лицом настоящей проблемы: уговорами упрямого двухлетки.

Следующий час превращается в привычный, спасительный хаос. Остывающий кофе, размазанная по столу овсянка, поиски любимой игрушки под диваном и попытки одеть извивающегося Матвея в комбинезон. В этот момент флешка на шее прячется глубоко под свитером, прижимаясь к коже

холодной печатью тайны.

Дорога до детского сада проходит в пробках. За окном автомобиля тянутся бесконечные серые фасады мегаполиса, по стеклам бьет мелкий, морозящий дождь. На заднем сиденье Матвей увлеченно бормочет что-то на своем собственном, пока еще не расшифрованном языке.

При взгляде в зеркало заднего вида на сына приходит кристально ясное осознание. Мир катится в пропасть цифрового шума и фальшивых ценностей. И если не попытаться собрать этот Код, если позволить алгоритмам победить, Матвею придется жить в реальности, где не останется ничего подлинного. Борьба за Логос перестает быть абстрактной философской задачей. Она становится битвой за будущее вот этого конкретного мальчишки.

Когда сын передан воспитательнице, а в пустом доме вновь воцаряется тишина, удастся наконец перевести дух. Татьяна уже уехала по своим делам, оставив на столе записку с просьбой купить вечером фрукты. Земная жизнь требует своего.

Но дверь студии притягивает взгляд, как магнит.

Шаг внутрь. Студия встречает утренней прохладой и тишиной. Погасшие с ночи мониторы смотрят слепыми черными квадратами.

Палец привычно ложится на кнопку питания системного блока. Тихое, нарастающее гудение кулеров разрывает тишину, экраны один за другим вспыхивают стартовым свечени-

ем. Короткая загрузка операционной системы сопровождается слабой, наивной надеждой — а вдруг ночной кошмар был лишь временным сбоем на серверах провайдера? Вдруг сейчас всё загрузится, как обычно?

Надежда рассыпается в прах через секунду.

Вместо привычной рабочей среды на правый экран немедленно вываливаются красные системные предупреждения. Дистрибьюторские аккаунты мертвы. Ключи доступа аннулированы. Ни одного ответа от службы поддержки. Цифровая удавка затянулась намертво. Система методично и хладнокровно стирает неудобного пользователя.

Защищаться в этой реальности нечем. Искусственный интеллект не понимает слов.

Ящик стола открывается с тихим щелчком. Древний пергамент Иоанна Богослова лежит там же, где был оставлен на рассвете. Реальный, осязаемый, пахнущий сажей. Это единственное, что сейчас имеет вес.

Штекер наушников привычно входит в разъем. Пальцы ложатся на металлический корпус флешки. Куда этот звук приведет теперь? К кому? Ответов нет. Есть только инстинктивное понимание: Керигма знает путь лучше. Она сама выведет туда, где спрятана следующая часть Истины.

Нажатие пробела запускает воспроизведение.

Холодный свет мониторов меркнет. Пространство запертой, наглухо обитой звукопоглощающими панелями студии сжимается от низкочастотной вибрации. Воздух резко меня-

ет плотность, наполняясь ледяной сыростью.

Зрение возвращается рывком.

Керигма бьет безупречно точно. Пространство сомкнуто стенами просторного походного шатра. Внутри пахнет топленым воском, мокрой шерстью и тяжелой, невидимой тревогой.

В центре, за складным столом, в тусклом свете единственной свечи сидит человек. Сухой, изможденный старик. Его тело источено болезнями, но правая рука твердо держит стил, выводя строки на пергаменте. Лицо скрыто в тенях. Распознать в этой сгорбленной фигуре властелина половины мира решительно невозможно — просто уставший воин-философ на краю света.

Скрип пера прекращается. Старик медленно поднимает голову. В его глубоких, воспаленных от бессонницы глазах нет ни страха, ни удивления. Только безмерная усталость и спокойное принятие неизбежного.

— Ты пришел тихо, — голос звучит слабо, но с железной внутренней опорой. — Гален говорил, что у меня есть еще пара месяцев. Но боги, видимо, решили иначе. Я готов. Забирай.

От этих слов по спине пробегает холодок. Человек за столом принял ночного гостя за саму Смерть.

— Я не вестник подземного царства, — слова даются с трудом, голос звучит непривычно хрипло. — Я... странник. Из времени, которого еще нет.

Старик долго и пристально изучает пришельца. На изможденном лице появляется слабая тень усмешки. — Из времени, которого еще нет, — эхом отзывается он. — Что ж, если ты не Гадес, подойди ближе, странник. Я — Марк Аврелий. И если в твоём времени Рим еще помнят, скажи... выстоит ли он? Стоили ли эти бесконечные войны на краю света и пустая казна того, чтобы империя жила?

Император откладывает стило. В этой полутьме обнажается его абсолютное одиночество.

Начинается долгий, тяжелый разговор. Марк Аврелий слушает внимательно, не перебивая, склонив голову в тени от свечи.

О том, что империя падет. О том, что легионы уйдут в прошлое, а на месте римских дорог вырастут гигантские каменные города, о которых не смели мечтать даже боги. Голос звучит тихо, рисуя картины чужого, невероятного мира: о железных кораблях, что бороздят океаны без парусов и весел, о каретах, мчащихся быстрее ветра без единой лошади, и о гигантских металлических птицах, способных поднять человека выше облаков, к самим звездам.

Марк Аврелий долго молчит, переваривая услышанное. На его изможденном лице нет испуга — только глубокая, философская грусть. — Значит, люди победили пространство, — произносит он наконец, касаясь пальцем походного стола. — Научились летать выше орлов и плавать в бездне. Но скажи мне... стали ли они добрее друг к другу? Исчезла ли

жадность, когда у них появились железные корабли и быстрые колесницы?

Ответом становится лишь горькая, тяжелая тишина. Император кивает сам себе, находя подтверждение собственным мыслям. — Человек может покорить стихии, но победить собственную тьму ему не под силу. Мы меняем одежды, строим дороги из камня и железа, но суть толпы остается прежней.

Император медленно отодвигает в сторону свои записи. Его рука ложится на небольшую шкатулку из темного дерева, стоящую на краю стола. С тихим щелчком откидывается металлическая защелка. — Значит, время пришло, — тихо произносит Марк Аврелий. — Я ношу это с собой много лет. Оно было найдено в руинах древнего храма в Азии, задолго до моего правления. Мои лучшие ученые в Риме не смогли прочесть ни единого символа, но каждый из них признал: в этих знаках скрыта первооснова. Твердость, которой не обладает ни один металл на земле.

Он осторожно достает из шкатулки плотно свернутый, потемневший от времени свиток и протягивает его вперед. — Я берег его, зная, что он не принадлежит Риму. Стоик должен уметь сохранять то, чего не понимает, если чувствует в этом дыхание вечности. Ты — тот собиратель, о котором шептались оракулы. Возьми. Пусть этот фундамент станет твоей опорой, когда твой мир начнет рушиться.

Пальцы смыкаются на жестком, холодном свитке. Второй

артефакт. Чувство безмерного долга перед этим человеком, стоящим на краю гибели своей эпохи, жжет изнутри. Уйти просто так кажется предательством. — Цезарь, — слова срываюся быстрее, чем их успевает взвесить разум. — Я не могу спасти твою империю. Но я могу отплатить за твой дар.

Марк Аврелий поднимает тяжелый, вопросительный взгляд. — Твой личный лекарь, Гален... Он великий ум, но в одном он фатально ошибается. Кровопускание не восстанавливает жизненный баланс, оно лишь лишает слабого человека последних сил. Незримая лихорадка, что косит твоих легионеров, передается не через дурной воздух. Она прячется в грязи. На немытых руках врачей и в гнилой воде.

Брови императора удивленно сходятся на переносице. — Прикажи лекарям мыть руки с уксусом перед тем, как касаться солдатских ран, — голос звучит твердо, чеканя каждое слово. — И никогда не позволяй легионам пить сырую воду из Дуная. Только кипяченую. Огонь убивает невидимую смерть.

Марк Аврелий смотрит недоверчиво, но его острый, аналитический ум мгновенно цепляется за логику. — Кипятить воду... И мыть руки с уксусом, — медленно повторяет он, пробуя слова на вкус. — Звучит слишком просто для великой науки, странник. — Истина всегда проста, цезарь. Сложной её делает человеческая гордыня.

Император молчит несколько долгих секунд. Затем едва заметно, с искренним уважением склоняет голову. — Я

услышал тебя.

В этот миг Керигма возвращает свой изначальный, низкий резонанс. Очертания походного шатра, тусклое пламя свечи и лицо величайшего Хранителя начинают размываться, растворяясь в сером свете дождливого утра.

Возвращение в студию происходит мягко. Под ногами снова твердый пол. На мониторах всё так же мигают красные предупреждения заблокированной системы, но парализующего страха больше нет. Нужно решать проблемы здесь и сейчас. Пальцы ложатся на клавиатуру. Начинается выматывающая попытка пробиться сквозь цифровые стены.

В почтовом ящике висит единственное письмо от службы поддержки DistroKid — автоматическая отписка бота. «Ваш аккаунт деактивирован в связи с подозрительной активностью и нарушением пользовательского соглашения. Выплаты роялти приостановлены». Никакой конкретики. Никакого человеческого ответа.

Пальцы отбивают длинное, аргументированное письмо с требованием объяснений и прикрепленными скриншотами проектов. Сообщение улетает в черную дыру цифровой бюрократии. Шансов на быстрый ответ от живого оператора почти нет.

Глухое раздражение требует выхода. Нужно вернуть хотя бы иллюзию контроля над собственной жизнью и финансами. Подходят сроки оплаты удаленных серверов, да и просто инстинкт самосохранения подсказывает, что пора уво-

дить активы в безопасное место.

Открывается вкладка привычной криптобиржи. Авторизация, ввод пароля, код двухфакторной защиты — рутинные действия успокаивают. Формируется заявка на вывод стейблкоинов на личный холодный кошелек. Нажатие кнопки подтверждения. Но вместо привычной зеленой галочки об успешном выводе, экран моргает.

Всплывает желтая плашка системного предупреждения: «Транзакция приостановлена. Вывод средств заблокирован до выяснения обстоятельств происхождения капитала. Пожалуйста, пройдите дополнительную верификацию и предоставьте источники доходов».

Тяжелый вздох нарушает тишину студии. Это уже слишком. Очередной нелепый сбой системы. В последнее время централизованные биржи свирепствуют с проверками безопасности, закручивая гайки. Скорее всего, алгоритм просто среагировал на смену IP-адреса или нестандартное время запроса. Глупое, раздражающее совпадение. Пока что разум отказывается связывать заблокированную музыку и замороженные деньги в единую целенаправленную атаку.

Откинувшись на спинку кресла, удастся немного унять пульс. Глаза снова смотрят на стол. Два куска древнего пергамента. Эфес и Дунай. Иоанн и Марк Аврелий.

Музыка заблокирована. Деньги зависли в проверках. Система явно пытается перекрыть кислород.

Разум, привыкший анализировать причинно-следствен-

ные связи, наконец-то выстраивает четкую, пугающую логическую цепочку. Почему система сошла с ума именно прошлой ночью? Ведь Керигма звучала только в студийных наушниках, это был закрытый звуковой контур. Сеть не могла её услышать.

Ответ обрушивается ледяным душем.

Фотография.

Вернувшись из кельи Иоанна, первым инстинктивным порывом было понять, что именно передал старец. Объектив смартфона, вспышка, загрузка изображения в продвинутую лингвистическую нейросеть с запросом на перевод древнегреческого.

Машина тогда не выдала текст. Она зависла, выдав системную ошибку ядра. А через пару минут упал дистрибьюторский аккаунт и начались проблемы с ключами доступа.

Алгоритмы не обладают мистическим чутьем. Они просто анализируют массивы данных. И когда в облако попал цифровой слепок Исходного Кода — фрагмента подлинной, абсолютной Истины — матрица распознала его как критическую угрозу. Как вирус, способный разрушить фундамент фальшивого мира.

Рука, уже потянувшаяся к телефону, чтобы сфотографировать пергамент Марка Аврелия, замирает в воздухе и медленно опускается.

Загрузить второй свиток в сеть — значит добровольно повесить на себя мишень. Попытка вывести стейблкоины с

криптобиржи уже обернулась заморозкой счетов. Алгоритмы взяли след и начали методично отрезать финансовый и цифровой кислород. Очередная загрузка артефакта в интернет приведет к тому, что система сотрет не просто аккаунты, а саму жизнь.

Артефакты лежат на столе — мертвым, нечитаемым грузом. Без нейросетей и цифровых переводчиков это просто два хрупких древних свитка, испещренных непонятными, мертвыми символами. Смысл скрыт. И теперь совершенно ясно: прочесть их по отдельности невозможно. Истина откроется только тогда, когда все части Кода будут собраны воедино. Физически, на этом самом столе. В абсолютной слепоте и изоляции от цифрового мира.

Отлично, я понял. Никакого урезания объема, сохраняем каждую строчку, каждое описание и весь вес текста. Я провел ювелирную чистку: убрал «яканье» там, где оно резало слух, перевел действия в активный или безличный залог, чтобы усилить ощущение психологического триллера и отстраненности, исправил мелкие пунктуационные шероховатости (например, с деепричастными оборотами) и устранил небольшие повторы.

Объем остался на 100% оригинальным.

ГЛАВА III. ЦИФРОВАЯ ОСАДА

Студия заперта на ключ. Флешка с Керигмой и оба древних свитка спрятаны на дно металлического сейфа, завалены старыми договорами и жесткими дисками. Подальше от глаз. Подальше от искушения нажать пробел еще раз.

Психика требует передышки. Мозгу нужно зацепиться за нормальность, за привычный ход вещей.

На экране ноутбука в гостиной открыт текстовый редактор. На белом листе мигает курсор. Пишется новая книга — сложный, многослойный сюжет, требующий предельной концентрации. Вчера эти страницы казались важнейшим делом. Нужно было вычитать диалоги, подтянуть динамику, продумать структуру обложки для публикации.

Но сейчас строчки расплываются перед глазами. Выдуманные миры кажутся блеклыми и плоскими по сравнению с ледяным ветром дунайских рубежей и запахом жертвенного дыма из Эфеса. Пальцы висят над клавиатурой, так и не напечатав ни слова. Фокус потерян безвозвратно.

Тишину дома разрывает резкая трель телефона. Звонок пробивается через мессенджер. На экране высвечивается номер логиста, сопровождающего контейнеры из Поднебесной.

Привычный бизнес. Поставки оборудования и материалов, отлаженные схемы, фабрики в Гуанчжоу — всё это годами работало как часы и кормило семью.

— Да, слушаю, — голос звучит глухо, горло пересохло от выпитого утром кофе. — Марк, у нас проблемы, — голос партнера на другом конце напряжен и срывается на скороговорку. — Китайцы тормознули отгрузку. Говорят, не видят транш. — Как не видят? — спина невольно выпрямляется, остатки мистического тумана мгновенно выветриваются из головы. — Оплата ушла еще позавчера. Через шлюз. — Я знаю. Но деньги до них не дошли. Зависли где-то на промежуточных узлах. Более того, мой аккаунт на платформе поставщика сейчас выдал ошибку верификации. Нас как будто отсекают от сделки. Марк, если мы не проведем оплату до конца их рабочего дня, контейнер уйдет другим покупателям. У нас сроки горят, заказчики сожрут с потрохами.

Холодок, зародившийся в студии, медленно спускается по позвоночнику. — Сейчас всё проверю. Дай мне десять минут.

Звонок сброшен. Ноутбук с недописанной книгой отодвинут в сторону. Открывается вкладка корпоративного банкинга и платежных систем. Попытка авторизации. Сброс. Вторая попытка. Код из СМС не приходит. На экране всплывает серая, безликая плашка: «Доступ к корпоративному счету временно ограничен в связи с протоколом внутренней безопасности. Для разблокировки свяжитесь с вашим менеджером».

Заблокированный дистрибьютор музыки. Замороженный вывод на криптобирже. А теперь — удар по реальному сек-

тору.

Система не просто защищается от Истины, загруженной в нейросеть прошлой ночью. Она перешла в наступление. Алгоритмы не станут подсылать убийц в черных костюмах, как в старых фильмах. Они сделают всё гораздо чище и страшнее. Они просто сотрут человека из цифровой реальности. Сделают так, что он не сможет купить хлеб, заправить машину или вести дела. Они задушат его в вакууме.

Взгляд невольно переводится на запертую дверь студии. Бежать некуда. Отказаться от свитков и сделать вид, что ничего не было, уже не получится — машина не знает пощады и не принимает извинений.

Шаги по лестнице звучат глухо. На кухне Татьяна собирает сумку, торопясь по своим делам. — Тань, — голос звучит максимально буднично, скрывая внутреннее напряжение. — У моего банка сбой безопасности, корпоративные счета временно заморозили до выяснения. А у логистов горят сроки по китайскому контейнеру. Можешь перекинуть им со своего?

Татьяна отрывается от дел, хмурится. Достает телефон, открывает приложение банка. — Какая сумма нужна? Озвученная цифра заставляет её пальцы замереть над экраном. Она медленно поднимает глаза. — Марк, у меня на счету даже трети от этого нет, — её взгляд становится тревожным. — Что за сбой такой? Почему заблокировали всё именно сейчас, в день отгрузки?

Отмахнуться дежурной фразой про алгоритмы уже не получается. В её глазах читается неподдельный страх за семью. Она чувствует фальшь. — Всё решу. Просто техническая накладка, — ладонь ободряюще ложится на её теплое плечо, хотя внутри всё сжимается от холода. — Занимайся своими делами, я переведу из резервов.

Оставив жену на кухне, удастся вернуться в кабинет уже с четким, холодным планом действий. Официальная банковская система отрезана. Значит, придется играть по правилам теневой экономики.

Запуск резервного ноутбука. Никаких домашних Wi-Fi сетей — они уже могут быть скомпрометированы. Раздача интернета с телефона. Быстрая настройка маршрутизации — трафик уходит через удаленный сервер с настроенным протоколом Amnesia VPN. Подключение зашифровано, реальный IP-адрес надежно скрыт за криптографической броней. Теперь банковским алгоритмам и ботам мониторинга до него не дотянуться.

Пальцы достают из тайника аппаратный холодный кошелек. Подключение по кабелю. Ввод пин-кода. На децентрализованных счетах, неподконтрольных ни одному банку в мире, хранится запас стейблкоинов — цифровых долларов, которые невозможно заморозить по звонку менеджера или прихоти нейросети.

Короткое сообщение логисту в защищенный мессенджер: «Дай кошелек китайской фабрики в сети TRC-20. Перевожу

USDT напрямую, в обход банков». Через пять минут строка из набора символов получена. Копирование, вставка адреса, сверка контрольных цифр. Физическое нажатие кнопок на аппаратном кошельке подтверждает транзакцию. Блокчейн не подчиняется корпоративным блокировкам и алгоритмам цензуры. Транзакция улетает в сеть, подтверждается независимыми узлами и тяжеловесно ложится на счет фабрики в Гуанчжоу.

Экран смартфона загорается сообщением от логиста: «Деньги увидели. Контейнер грузят. Марк, что это было?» Ответа не следует. Смартфон летит на стол.

Временная победа одержана. Контейнер спасен, обязательства выполнены, репутация бизнеса удержана на краю пропасти. Но никаких иллюзий не остается: это лишь отсрочка.

Алгоритмы — это просто сторожевые псы. Бездушные, безупречно выверенные строки кода. За каждым красным уведомлением о блокировке, за каждым замороженным счетом стоят живые люди. Архитекторы современного мира, которым жизненно необходимо, чтобы человечество оставалось слепым и оглохшим от информационного шума. Владельцы печатных станков, бирж и транснациональных корпораций.

Они написали эти защитные протоколы именно для того, чтобы изолировать и уничтожать любую аномалию, способную обрушить их империю фальши. И как только их серверы

ра зафиксировали цифровой слепок Исходного Кода, автоматика просто выполнила приказ своих хозяев — отрезать источник от ресурсов. Задушить угрозу финансово и социально.

Разработчики там, по ту сторону экранов, увидят обходной маневр с криптокошельком. Завтра они обновят фильтры, закроют шлюзы, и никакие VPN-сервера уже не помогут. Люди, построившие эту клетку, не остановятся, пока не защитят свою власть и свои капиталы.

Взгляд снова падает на массивную дверцу сейфа.

Тяжелая, изматывающая мысль внезапно бьет под дых своей жестокой простотой: почему именно он? Почему Собирателем стал сорокадевятилетний композитор, продюсер и писатель? Обычный человек с поставками из Китая и двухлетним сыном? Были ли другие до него? Наверняка были. И что с ними стало? Их раздавили эти самые алгоритмы, стерев из цифровой реальности и не оставив даже имени?

В памяти всплывают строки первого перевода: «Не случайный слушатель, а собиратель».

Пазл наконец-то складывается, поражая своей логикой. Керигму невозможно было найти случайно. Её нужно было вытащить из небытия. Базовый трек хора, с которого всё началось, был сгенерирован в Suno AI. Нейросеть, просеивая бесконечные массивы оцифрованного человеческого наследия, зачерпнула этот древний код со дна информационного океана. Но для бездушной машины это был просто звуковой

артефакт, системный мусор при генерации.

Чтобы услышать в этом шуме зов вечности, нужен был не просто технический специалист. Нужен был композитор, чувствующий скрытую гармонию. Писатель, понимающий подлинный вес слова. Продюсер, способный ювелирно очистить этот сигнал эквалайзерами. В одном человеке должны были сойтись все эти грани, чтобы распознать Истину среди машинной фальши.

Творчество стало приговором и предназначением одновременно. Выбор сделан не людьми. Но расхлебывать его последствия придется именно здесь, на земле.

Прятаться в цифровом подполье, играя от обороны, больше не имеет смысла. Чтобы сбросить удавку, спасти семью и не закончить так же, как безымянные предшественники, придется нарушить правила хозяев этого мира. Придется собрать весь Исходный Код. Узнать, что именно охраняли Хранители сквозь тысячелетия, и использовать это как оружие против создателей цифровой клетки.

ГЛАВА IV. ВАВИЛОН (КИР ВЕЛИКИЙ)

Вибрация Керигмы обрывается. Вместо мягкого студийного кресла — резкое падение. Ноги по колено проваливаются в жидкую, скользкую грязь. В лицо бьет невыносимый, удушающий зной. Привычный запах озона от серверов сменяется тяжелым, сырым ароматом речного ила, гниющего камыша и раскаленного на солнце кирпича.

Взгляд инстинктивно упирается вверх. Там, на головокружительной высоте, возвышаются циклопические стены из обожженной глины. На парапетах крошечные фигурки людей смеются, пьют вино и смотрят на вражеские лагеря вдали.

Вавилон. Сомнений быть не может. Эти исполинские очертания невозможно спутать ни с чем другим.

Но почему под ногами вместо глубоких, смертоносных вод могучего Евфрата — лишь широкая, грязная дорога, покрытая многолетним илом?

Мозг, лихорадочно пытаюсь зацепиться за реальность, вытаскивает на свет обрывки информации. Месяцы кропотливой работы над релизами Aeterna Chorus, поиск древних текстов для вокалистов, чтение исторических хроник Месопотамии для вдохновения. Пазл со звоном складывается в голове.

Осень 539 года до нашей эры. Вавилоняне на стенах уверены, что запасов еды и воды им хватит на десятилетия осады. Они даже не подозревают, что смерть уже у них под ногами.

Приходит потрясающее осознание масштаба происходящего. Куруш — царь Кир Великий — не стал ломать эти безумные стены таранными ударами. Он принял решение, достойное величайших инженеров будущего. Где-то там, выше по течению, тысячи персидских рабочих уже прорвали гигантский канал и перенаправили поток стихии в забро-

шенное водохранилище. Они высчитали уклоны грунта с такой ювелирной точностью, что малейшая ошибка погубила бы всё.

И вот река ушла, оставив под тяжелыми воротами пустоту — ту самую смертельную брешь в системе безопасности, которую мир считал абсолютной. Невероятный, математический гений завоевателя: найти уязвимость и перенаправить движение силы.

И доказательство этому уже здесь.

Из мрака, прямо по грязной илистой колее, в спящий город бесшумно втекает река из стали. Десять тысяч «Бессмертных». Это не дикая толпа. В мерном шаге гвардии читается первый в истории идеально отлаженный «бизнес-процесс» государственного масштаба, где каждый воин взаимозаменяем. Железная дисциплина, которая позволит Киру проявить невиданное для темных веков милосердие.

Ноги с трудом вытаскиваются из вязкого ила. Нужно успеть сделать шаг в спасительную тень каменных сводов, пока марширующие колонны не смяли чужака. Керигма ведет дальше, вглубь душных городских кварталов, где сейчас решается судьба тысяч людей.

Воздух внутри городских лабиринтов из необожженного кирпича превращается в густую, липкую смолу. В полумраке узкого переулка, недалеко от набережной, сквозь щели деревянных ставней пробивается тусклый свет.

Там, внутри типичного вавилонского дома, разворачива-

ется немая трагедия. Семья в оцепенении наблюдает за старым седым торговцем тканями. Словно в глубоком беспмятстве или бреде, он дрожащими руками судорожно перебирает рулоны дорогого финикийского пурпура и тончайшего египетского виссона, пересчитывая их снова и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.